

of environmental safety in this area is substantiated. The elements of a legal model for ensuring environmental safety in transport activities are formulated and recommendations for improving the legislation are offered.

Keywords: transport activities; environmental safety; transport policy; responsibility; environmental damage; the right of interstate entities.

UDC 349.6

*Статья поступила
в редакцию 17.04.2026 г.*

Т. Н. ВОЛОТ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СТРУКТУРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье исследуются содержание и внутренняя структура административно-правового статуса субъектов налоговых правоотношений. Автор анализирует категорию правового статуса как автономного элемента правовой системы через призму административно-правового регулирования. Особое внимание уделяется теоретическому обоснованию структуры данного статуса, включающей совокупность прав, обязанностей, гарантии и ответственности субъектов.

Цель статьи — выявление специфики и теоретическое обоснование структуры административно-правового статуса субъектов налоговых отношений.

Методологическую основу работы составил комплекс методов научного познания: системно-структурный анализ, а также частнонаучные методы — формально-юридический и сравнительно-правовой.

В ходе исследования обосновано, что административно-правовой статус субъектов налоговых правоотношений является фундаментальной категорией, связывающей государственное управление с финансовой системой. Автором выведена дефиниция данного статуса как системы, интегрирующей в себя специальную налоговую правосубъективность, комплекс прав, обязанностей, правовых гарантий и административную ответственность. Доказано, что унификация понимания структуры этого статуса является необходимым условием для повышения эффективности налогового администрирования и обеспечения законности.

Ключевые слова: административное право; административно-правовой статус; субъекты налоговых правоотношений; правовое регулирование; правосубъективность; структура правового статуса.

УДК 342.922

Введение. С точки зрения норм права правовой статус является автономным элементом правовой системы, способным самостоятельно регулировать общест-

Татьяна Николаевна ВОЛОТ (nimezina@mail.ru), аспирантка Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

венные отношения. Данная категория позволяет установить правовую природу и положение участников правоотношений, а также очертить круг их взаимных прав и обязанностей. Следовательно, четкое определение административно-правового статуса субъектов налоговых отношений имеет решающее значение для развития системы административного права в механизме правового регулирования налоговых правоотношений. Учитывая неоднозначность и недостаточную теоретическую проработку такой категории, как «административно-правовой статус субъектов налоговых правоотношений», представляется целесообразным обратиться к существующим научным доктринам и исследованиям.

Цель статьи выражается в выявлении специфики и теоретическом обосновании структуры административно-правового статуса субъектов налоговых отношений, которая необходима для устранения доктринальной неопределенности и оптимизации административного воздействия в налоговой сфере.

Методологическую основу работы составил комплекс методов научного познания: системно-структурный анализ, частнонаучные методы — формально-юридический и сравнительно-правовой.

Основная часть. Первоочередной задачей является рассмотрение происхождения и смыслового содержания термина «статус». Он («статус») имеет латинские корни и означает «состояние», или «положение» объекта. Согласно Большому юридическому словарю статус субъекта права трактуется как нормативно закрепленное положение участников правоотношений, выраженное в системе их прав и обязанностей [1, с. 587]. Аналогичный подход представлен в Юридической энциклопедии под редакцией М. Ю. Тихомирова, где «статус» отождествляется с правовым положением субъекта — системой прав и обязанностей, закрепленных в законодательстве [2, с. 426]. В теоретическом аспекте правовой статус можно охарактеризовать как нормативно закрепленное социальное положение субъектов, основу которого составляет совокупность его прав и обязанностей. Опираясь на этимологическое родство данных подходов, некоторые исследователи отождествляют понятия «статус» и «положение», рассматривая их как терминологические синонимы [3, с. 232].

Этот термин объединяет в себе функциональную роль и общественную оценку. По сути статус — это место, которое человек или группа занимают в социуме исходя из профессиональных, экономических или этнических факторов. Когда мы говорим о правовом статусе, то подразумеваем юридическое закрепление отношений между личностью, обществом и государством. Его ключевое отличие — опора на законодательные нормы. Именно этот инструмент определяет возможности и положение человека во всех сферах жизни: от политики и экономики до культуры и управления страной.

В советской юридической науке доминировал подход, согласно которому правовой статус трактовался как комплексная многокомпонентная категория, объединяющая в себе целый ряд структурных элементов.

Правовой статус не только интегрирован в общую правовую систему, но и служит относительно автономным регулятором общественных отношений. Н. И. Матузов отмечает, что понятие правового статуса включает в себя весь комплекс правовых возможностей, обязанностей и ответственностей субъекта и правовых средств, характеризующих различные стороны правового статуса. По его словам, «в понятие правового статуса входит все, что определяет, гарантирует, характеризует и формализует состояние субъекта тем или иным образом с юридической точки зрения» [4, с. 83]. Также он считает, что основными элементами, составляющими понятия правового статуса и его структуру, являются соответствующие правовые нормы; правосубъективность; законные интересы; гражданство; ответственность, установленная законом; правовые принципы; правоотношения общего характера [5, с. 27].

В современной науке дискуссия о возможности расширения структуры правового статуса дополнительными элементами остается незавершенной. Так, В. М. Горшенев определяет права, свободы, юридические обязанности и юридическую ответственность как структурные элементы правового статуса [6, с. 52].

Расширяя традиционный набор прав и обязанностей, различные ученые дополняли структуру статуса специфическими компонентами: А. И. Лепёшкин относил к ним юридические гарантии [7, с. 3–11], Л. Д. Воеводин — базовые принципы и правоспособность [8, с. 44–48], Б. В. Щетинин — институт гражданства [9, с. 4] Н. И. Матузов — категории общей (статутной) ответственности [10, с. 189–205]. Согласно подходу В. А. Патюлина структуру правового статуса формирует комплекс элементов, включающих принадлежность к гражданству, общую правоспособность, совокупность базовых прав и обязанностей, а также конституционный принцип равенства субъектов [11, с. 230]. В концепции М. С. Строговича структура правового статуса личности не ограничивается правами и обязанностями, а дополняется такими элементами, как система гарантий и юридическая ответственность за неисполнение обязанностей [12, с. 33–35].

Представляется обоснованной позиция советского правоведа В. И. Новосёлова о том, что сложность социальных связей не позволяет ограничиться единой трактовкой статуса. В связи с этим данную категорию целесообразно анализировать в узком и широком значениях [13, с. 7–8].

Интерпретируя наработки указанных исследователей применительно к правовому положению личности, Н. В. Витрук предложил авторское уточнение терминологии и введение дополнительных категорий. Ученый порекомендовал разграничивать категории «правовой статус» и «правовое положение», указывая на недопустимость их смешения в юридической науке. В данной трактовке «правовой статус» ограничивается лишь набором прав и обязанностей, в то время как «правовое положение» охватывает весь спектр юридически значимых характеристик и качеств личности. Правовой статус выступает центральным элементом правового положения, которое в свою очередь является более широкой дефиницией, включающей в себя статус как составную часть [14, с. 21].

Иной подход к корреляции данных категорий предлагает С. С. Алексеев. По его мнению, правовой статус — это основа правового состояния субъекта, объединяющая правосубъективность и общие права и обязанности. В то же время конкретные правомочия и обязательства, возникающие из определенных юридических фактов, характеризуют фактическое правовое положение лица, а не его фундаментальный статус в правовой системе [15, с. 142–143]. Если придерживаться этого подхода, категорию «правовой статус» следует связать с устойчивым правовым состоянием обобщенного субъекта, базирующимся на общепризнанном перечне прав и обязанностей. Правовое положение предстает как динамическая система прав и обязанностей конкретного лица, трансформирующаяся в зависимости от его участия в различных правоотношениях.

Тем не менее Б. Д. Дамдинов усматривает в таком подходе значительный изъян: статус здесь фактически сводится к общеправовому уровню, в то время как отраслевые права и обязанности неоправданно выводятся за его рамки. Как отмечает Б. Д. Дамдинов, в юридической доктрине утвердился подход, предполагающий выделение «специальных статусов». Именно эти категории призваны аккумулировать отраслевые права и обязанности, которые не охватываются общим правовым статусом [16, с. 16]. Согласно подходу В. А. Патюлина разграничение данных категорий строится на принципе иерархии: правовой статус выступает как родовое понятие, фиксирующее универсальный объем

прав гражданина, в то время как правовой модус носит видовой характер и отражает специфику правового положения конкретных социальных групп. Указанные субъективные права характеризуют свойство всеобщности в первом случае по родовому признаку, во втором — по видовому [11, с. 198–199].

Аналогичный подход применим и к субъективным обязанностям, выступающим в неразрывном единстве с правами в структуре правового статуса. В доктрине концепция правового модуса нашла отражение в тезисе о соотношении данных категорий как «общего» и «особенного» [17, с. 88]. Несмотря на отсутствие единого мнения ученых относительно данной дефиниции, заслуживает внимания аргумент о ее излишности [17, с. 86]. Это обусловлено наличием в научном обороте устоявшегося эквивалента — концепции специального правового статуса [16, с. 17–18].

Как отмечает Б. Д. Дамдинов, развивая идеи В. А. Патюлина, правовой статус (в его общем и специальном значениях) представляет собой универсальную категорию, применимую к абстрактным субъектам [16, с. 18]. Процесс конкретизации этих положений применительно к реальным участникам правоотношений привел к выделению «индивидуального правового статуса». Последний в отличие от статических абстрактных форм характеризуется динамизмом и изменчивостью под влиянием конкретных юридических фактов.

Потребность в персонализации универсальных норм обусловила появление дефиниции «индивидуальный правовой статус». В отличие от статичных моделей он отражает текущее правовое состояние конкретного лица и характеризуется высокой степенью динамизма, трансформируясь под влиянием различных жизненных обстоятельств.

В данном контексте прослеживается логический диссонанс. Если общая и специальная формы статуса выступают как нормативно закрепленные правовые абстракции, то индивидуальный статус характеризуется как динамичная система фактических прав и обязанностей конкретного лица. Однако ранее было обосновано, что правовой статус в его нормативном (общем и специальном) понимании трансформируется исключительно в установленном законом порядке, оставаясь независимым от волеизъявления отдельных субъектов [18, с. 115]. В связи с этим представляется терминологически неточным отождествление фактического правового состояния с правовым статусом [19, с. 18].

Поскольку один и тот же субъект выступает носителем множества статусов одновременно, их динамическое сочетание в правовом положении личности требует обращения к фундаментальной категории правосубъектности как основе для такого анализа.

Раскрывая содержание административной правоспособности, Ю. М. Козлов акцентировал внимание на потенциальной возможности субъекта становиться участником различных общественных связей, приобретая тем самым юридические права и обязанности, а также принимая на себя ответственность за их реализацию в рамках государственного управления [20, с. 42]. Автор разграничивает статусы субъекта права и субъекта правоотношения: если первый обусловлен наличием правоспособности (с рождения), то второй достижим лишь при интеграции дееспособности в структуру административной правосубъектности лица [20, с. 43, 45].

Ученый В. М. Манохина обоснованно указывала на то, что результативность применения отраслевого законодательства предопределена глубиной теоретического осмысления природы субъектов соответствующих правоотношений [21, с. 188].

Участниками административных правоотношений выступают субъекты, представленные как индивидами, так и коллективными образованиями. При этом статус субъекта административного права признается не за каждым ли-

цом, а лишь за тем, которое наделено специфическим юридическим свойством — административной правосубъектностью [22, с. 90].

Как отмечал Д. В. Винницкий, налоговая правосубъектность выступает одним из видов отраслевой правосубъектности [23, с. 10]. При этом подчеркивается ее вторичный характер: она базируется на нормах конституционного, административного и гражданского права [23, с. 20].

На основе изложенной точки зрения мы приходим к выводу, что возникновение административно-правового статуса субъекта налоговых правоотношений детерминировано наличием у него совокупности юридических качеств: гражданской, налоговой и собственно административной правоспособности.

Как справедливо отмечал в своих исследованиях В. К. Ладутько, налоговая правосубъектность выступает основанием возникновения административной правосубъектности, так как при привлечении к административной ответственности за нарушение налогового законодательства, прежде всего виновное лицо должно было надлежаще исполнить налоговые обязанности, возложенные на него налоговым законодательством, после чего данное лицо рассматривается на соответствие требованиям административной правосубъектности [24, с. 71–72].

Согласно позиции С. С. Алексеева правосубъектность играет в правовом механизме специфическую роль инструмента селекции, определяя совокупность лиц, потенциально способных наделяться субъектными правами и обязанностями. Данная конкретизирующая функция правосубъектности приобретает еще более выраженный характер при переходе на уровень отраслевого правового регулирования [25, с. 140]. Опираясь на общетеоретические положения, можно сделать вывод, что отраслевая налоговая правосубъектность очерчивает пределы действия законодательства в отношении субъекта и, как следствие, детерминирует спектр правоотношений с его участием. Выступая начальным этапом конкретизации налоговых норм, правосубъектность не только идентифицирует круг реальных участников, но и закладывает основы их общего юридического положения, определяя взаимную соподчиненность субъектов.

Учитывая специфику отраслевого инструментария, можно утверждать, что налоговая правоспособность субъекта всегда обладает признаком специальности. Это делает ее более емкой категорией по сравнению с простым правообладанием, так как она интегрирует в себе не только права и обязанности, но и особые условия их возникновения и реализации в налоговых правоотношениях.

Классическая доктрина рассматривает «субъекта права» в единстве его потенциальных качеств и их фактического воплощения [14, с. 114]. В то время как в цивилистике встречались попытки приравнять правосубъектность к правоспособности [26, с. 5], в общей теории права и отраслевых дисциплинах доминирует подход, согласно которому правосубъектность объединяет праводее- и деликтоспособность [15, с. 139]. При этом важно учитывать, что в отношении коллективных образований данные элементы, как правило, признаются возникающими одновременно.

Неразрывная связь правосубъектности и правового статуса проявляется в синхронности их возникновения и прекращения. Подобная взаимозависимость стала почвой для их синонимизации в ряде концепций. В частности, А. В. Мицкевич утверждал, что правовой статус и правосубъектность тождественны по содержанию и представляют собой установленный законом набор прав и обязанностей, принадлежащий субъекту вне зависимости от его текущей активности [27, с. 12]. Тем не менее в доктрине превалирует иная позиция, согласно которой правосубъектность выступает фундаментальным компонентом статуса, соотносясь с ним как часть и целое [28, с. 238].

Поддерживая тезис о нетождественности правосубъектности и правоспособности, мы оспариваем включение первой в структуру правового статуса. Рассматривая правосубъектность как «право на статус», т.е. потенциальную возможность обладания им, логически недопустимо смешивать саму эту возможность с ее результатом. В этом контексте заслуживает внимания позиция А. Ю. Якимова, характеризующего правосубъектность как юридический «фильтр» или «буфер». Данная конструкция аккумулирует совокупность юридических фактов, наличие которых позволяет индивидуализированному лицу трансформироваться в носителя конкретного правового статуса [19, с. 19–20].

Поскольку функция правосубъектности ограничивается кругом лиц, потенциально способных обладать статусом, она выступает исключительно как качественная характеристика. В связи с этим использование термина «объем правосубъектности» представляется некорректным. Количественно-качественной мерой в данной системе координат является правовой статус, поскольку именно он определяет конкретный объем прав и обязанностей, составляющих его содержание.

Правосубъектность выступает фундаментальной юридической конструкцией и необходимой предпосылкой формирования правового статуса. Логично предположить, что общая и специальная правосубъектности служат базисом для возникновения соответствующих видов статуса [29, с. 19]. Наличие установленной совокупности юридических фактов позволяет конкретному лицу трансформировать абстрактные нормы в систему реальных прав и обязанностей. В процессе такой персонификации нормативные предписания переходят в категорию субъективных прав, формируя содержание конкретного правоотношения.

Следовательно, налоговая правосубъектность представляет собой юридический фундамент участия субъекта в налоговых связях. Она охватывает весь цикл — от установления налоговых обязательств до их фактического исполнения, создавая правовую основу для финансового обеспечения публичных функций государства. Данная категория легитимирует участие субъекта в процессах налогообложения, что в конечном счете гарантирует финансовую устойчивость государства при выполнении социально значимых задач.

В современной правовой доктрине сложились две ключевые концепции понимания правоотношений, которые можно классифицировать как нормативную и модельную. В рамках первой (нормативной) правоотношение трактуется как результат регулятивного воздействия юридических норм на социальные взаимодействия [14, с. 114]. Второй подход (модельный) акцентирует внимание на идеальной структуре правоотношения, рассматривая его как систему субъективных прав и обязанностей, выступающих индивидуализированными моделями поведения, отличными от самой фактической деятельности субъектов [30, с. 24]. Ю. Г. Ткаченко предлагает компромиссную концепцию, выделяя две ипостаси правоотношений. Первая — «правоотношение-модель» — представляет собой индивидуализированный мысленный образ должного и возможного поведения, развивающий общую норму права. Вторая — «правоотношение-отношение» — воплощает этот образ в фактической деятельности субъектов [31, с. 96–97]. Правовое положение личности формируется в единстве потенциальных прав и обязанностей, заложенных в моделях, и их реального воплощения в конкретных взаимодействиях.

Индивидуальное правовое положение субъекта характеризуется сочетанием статических и динамических элементов статуса. Статический компонент (потенциальные права) обусловлен нормативными моделями и переходит

в динамическую стадию (реальные права) лишь при возникновении соответствующих юридических фактов. Следовательно, если статус абстрактного субъекта ограничен рамками правовой возможности, то состояние реального участника отношений определяется как совокупностью «модельных» (не реализованных), так и «фактических» (реализуемых) прав и обязанностей [19, с. 21]. В отличие от нормативно закреплённого статуса, сохраняющего стабильность до момента законодательных преобразований, индивидуальное правовое положение субъекта характеризуется высокой динамичностью, трансформируясь под влиянием конкретных юридических фактов. Классификация правовых состояний по уровню их индивидуализации позволяет выделить три ступени: общий статус (родовая абстракция, основанная на общеправовых началах), специальный статус (видовая абстракция, детализированная отраслевым правом) и индивидуальное правовое положение. Последнее отражает фактическое состояние конкретного участника отношений, сочетающее в себе как актуализированные юридическими фактами, так и потенциально возможные права и обязанности.

В юридической доктрине широко представлена классификация правовых состояний, базирующаяся на отраслевой принадлежности источников и объеме регулирования. В рамках этой иерархии административный статус выступает как родовая (общая) характеристика субъекта, детерминированная исключительно положениями Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [32]. Более широким по содержанию является административно-правовой статус, который интегрирует нормы всей отрасли административного права и отражает видовую специфику субъектов, выступая аналогом специального статуса. Наиболее емкой категорией признается правовой статус, аккумулирующий в себе регулятивный потенциал различных отраслей права и характеризующийся максимальной полнотой параметров.

Взаимоотношение трех видов статусов характеризуется иерархической соподчиненностью [33, с. 47]. Правовой статус как наиболее широкая категория базируется на положениях административно-правового статуса, центральным элементом и нормативным вектором которого является административный статус.

Отсутствие единого терминологического аппарата в определении правового статуса предопределило и вариативность взглядов на его внутреннее строение. В частности, широкое распространение получила концепция, согласно которой статус личности помимо базового набора прав и обязанностей интегрирует в себе гражданство как политико-правовую связь, правоспособность, а также нормативные принципы и гарантии их реализации [34, с. 139–150]. Ряд исследователей предлагает дифференцировать структуру правового статуса, ограничивая его содержание совокупностью прав и обязанностей. Вне этой структуры остаются гражданство и правоспособность (как факторы, детерминирующие возможность обладания статусом) и ответственность с гарантиями (как механизмы, обеспечивающие его реализацию и охрану) [35, с. 143–144]. Разделяя в целом указанную позицию, мы полагаем ошибочным выведение ответственности и гарантий за рамки статуса. Включение их в категорию «постстатусных» игнорирует тот факт, что они нормативно закреплёны как права и обязанности еще до момента их фактического применения.

Примечателен также опыт структурирования статуса органов государственной власти, где исследователи выделяют комплексный набор элементов: от функциональных принципов и места в иерархии госуправления до компетенционных основ и форм правового реагирования (актов) [36, с. 48–50].

Некоторые исследователи предлагают детализированную модель административно-правового статуса органов управления, выделяя в ней легитимирующие признаки (название, порядок учреждения, организационное строение); содержательно-регулятивный компонент (целеполагание, компетенционные рамки, правовые формы реализации полномочий); материально-обеспечительный аспект (финансовый режим и гражданская правосубъектность); контрольно-охранительный блок (подведомственность, ответственность и систему гарантий) [37, с. 4–5].

В исследованиях Д. Д. Цабрия представлен комплексный подход к определению статуса органа власти, интегрирующий широкий спектр характеристик. Среди них выделяются как организационно-правовые (название, способ формирования, территориальная юрисдикция), так и содержательно-динамические компоненты: цели, задачи, функции, конкретный объем компетенции, а также формы и методы управленческого воздействия в сочетании с мерами ответственности [38, с. 126]. Согласно позиции автора целеполагание детерминирует единство функционально-целевого блока органа, а степень реализации поставленной цели выступает объективным мерилем качества выполнения его задач. Важной методологической особенностью работ Д. Д. Цабрия является отождествление правового статуса с правовым положением субъекта, что свидетельствует об их восприятии как взаимозаменяемых дефиниций [38, с. 129]. В перечень элементов, предложенный Д. Д. Цабрия, заложил фундаментальный теоретический базис, однако нуждался в структурном упорядочивании. В связи с этим Д. Н. Бахрах обосновал необходимость систематизации компонентов правового статуса органов исполнительной власти, предложив объединить их в три ключевых блока: целевой, структурно-организационный и компетенционный. В содержание целевого блока Д. Н. Бахрах включил нормативные положения, определяющие предназначение органа власти, его ключевые задачи, функциональные направления и основополагающие принципы функционирования [39, с. 75–77]. Целеполагание в деятельности органов публичной власти обладает строгой нормативной детерминацией, что исключает возможность их функционирования вне правового поля. Именно специфика цели предопределяет уникальность административно-правового статуса субъекта. Например, цель обеспечения фискальных интересов государства и полноты сбора налогов обуславливает специфический комплекс полномочий налоговых органов, включая контрольно-надзорные функции. Структурно-организационный блок в данном случае аккумулирует нормы, регламентирующие порядок учреждения инспекций, их внутреннюю структуру и систему вертикальной подчиненности внутри единой централизованной системы налоговой службы. Компетенционный блок находит выражение в нормативно закреплённом массиве властных прерогатив по исчислению и взысканию обязательных платежей.

Систематизация элементов, предложенная Д. Н. Бахрахом, позволяет интерпретировать административно-правовой статус органа управления не как эклектичный набор признаков, а как целостную юридическую конструкцию с выстроенной внутренней логикой. Несмотря на отсутствие в современной науке консенсуса относительно дефиниции и строения данной категории, существующий доктринальный задел, по мнению М. И. Цапко, дает возможность сформировать функциональную модель. Такая модель базируется на дихотомии нормативного содержания административно-правового статуса и его фактической реализации в административной деятельности.

Заключение. Подводя итог, следует подчеркнуть, что административно-правовой статус субъектов налоговых правоотношений выступает ключевым

связующим звеном между государственным управлением и финансовой системой государства. Проведенный анализ доктринальных подходов показал, что без единообразного понимания структуры этого статуса невозможно достичь высокой эффективности налогового администрирования. Таким образом, административно-правовой статус субъектов налоговых правоотношений представляет собой совокупность специальной налоговой правосубъективности, прав, обязанностей, гарантий и административной ответственности за нарушение налогового законодательства.

Литература и электронные публикации

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2004. — 704 с.
2. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. — М. : Изд. г-на Тихомирова М. Ю., 1998. — 526 с.
3. Матузов, Н. И. Теория государства и права : курс лекций / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М. : Юрист, 1997. — 672 с.
4. Matuzov, N. I. Teoriya gosudarstva i prava : kurs lekcij [Theory of State and law : a course of lectures] / N. I. Matuzov, A. V. Malko. — М. : Yurist, 1997. — 672 p.
5. Матузов, Н. И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности / Н. И. Матузов // Конституция и государственное строительство : сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во СГУ, 1980. — С. 83 — 90.
6. Matuzov, N. I. Yuridicheskie obyazannosti i otvetstvennost kak elementy pravovogo statusa lichnosti [Legal duties and responsibility as elements of the legal status of a person] / N. I. Matuzov // Konstituciya i gosudarstvennoe stroitelstvo : sb. nauch. tr. — Saratov : Izd-vo SGU, 1980. — P. 83–90.
7. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. — 293 с.
8. Matuzov, N. I. Pravovaya sistema i lichnost [Legal system and personality] / N. I. Matuzov. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. — 293 p.
9. Горшенев, В. М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 года / В. М. Горшенев // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе : сб. науч. тр. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. — С. 51–58.
10. Gorshenev, V. M. Struktura pravovogo statusa grazhdanina v svete Konstitucii SSSR 1977 goda [The structure of a citizen's legal status in the light of the 1977 USSR Constitution] / V. M. Gorshenev // Pravoporyadok i pravovoj status lichnosti v razvitom socialisticheskom obshestve : sb. nauch. tr. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1980. — P. 51–58.
11. Лепёшкин, А. И. Правовое положение советских граждан / А. И. Лепёшкин. — М. : Мысль, 1966. — 56 с.
12. Lepeshkin, A. I. Pravovoe polozhenie sovetskih grazhdan [Legal status of Soviet citizens] / A. I. Lepeshkin. — М. : Mysl, 1966. — 56 p.
13. Воеводин, Л. Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права / Л. Д. Воеводин // Советское государство и право. — 1965. — № 2. — С. 42 — 50.
14. Voevodin, L. D. Soderzhanie pravovogo polozheniya lichnosti v nauke sovetskogo gosudarstvennogo prava [The content of the legal status of the individual in the science of Soviet State law] / L. D. Voevodin // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1965. — N 2. — P. 42–50.
15. Щетинин, Б. В. Гражданин и социалистическое государство / Б. В. Щетинин // Советское государство и право. — 1975. — № 2. — С. 3–10.
16. Shetinin, B. V. Grazhdanin i socialisticheskoe gosudarstvo [The citizen and the socialist State] / B. V. Shetinin // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1975. — N 2. — P. 3–10.
17. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. — Саратов : Приволжс. кн. изд-во, 1972. — 290 с.
18. Matuzov, N. I. Lichnost. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy subektivnogo prava [Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law] / N. I. Matuzov. — Saratov : Privolzhsk. kn. izd-vo, 1972. — 290 p.

11. *Патюлин, В. А.* Государство и личность в СССР : правовые аспекты взаимоотношений / В. А. Патюлин. — М. : Наука, 1974. — 246 с.
- Patyulin, V. A.* Gosudarstvo i lichnost v SSSR : pravovye aspekty vzaimootnoshenij [The State and personality in the USSR : legal aspects of the relationship] / V. A. Patyulin. — М. : Nauka, 1974. — 246 p.
12. *Строгович, М. С.* Вопросы теории прав личности / М. С. Строгович // Философия и современность : сб. ст. — М. : Наука, 1976. — С. 31 — 43.
- Strogovich, M. S.* Voprosy teorii prav lichnosti [Questions of the theory of individual rights] / M. S. Strogovich // Filosofiya i sovremennost : sb. st. — М. : Nauka, 1976. — P. 31—43.
13. *Новосёлов, В. И.* Правовое положение граждан в отраслях государственного управления / В. И. Новосёлов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1977. — 168 с.
- Novosyolov, V. I.* Pravovoe polozhenie grazhdan v otraslyah gosudarstvennogo upravleniya [The legal status of citizens in the branches of public administration] / V. I. Novosyolov. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1977. — 168 p.
14. *Халфина, Р. О.* Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М. : Юрид. лит., 1974. — 348 с.
- Halfina, R. O.* Obshee uchenie o pravootnoshenii [The general doctrine of legal relations] / R. O. Halfina. — М. : Yurid. lit., 1974. — 348 p.
15. *Алексеев, С. С.* Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1982. — Т. 2. — 360 с.
- Alekseev, S. S.* Obshaya teoriya prava : v 2 t. [General Theory of Law : in 2 volumes] / S. S. Alekseev. — М. : Yurid. lit., 1982. — T. 2. — 360 p.
16. *Дамдинов, Б. Д.* Теоретические проблемы правового статуса субъекта Российской Федерации / Б. Д. Дамдинов // Сибирский юридический вестник. — 2002. — № 3. — С. 13 — 18.
- Damdinov, B. D.* Teoreticheskie problemy pravovogo statusa subekta Rossijskoj Federacii [Theoretical problems of the legal status of a constituent entity of the Russian Federation] / B. D. Damdinov // Sibirskij yuridicheskij vestnik. — 2002. — N 3. — P. 13—18.
17. *Ровный, В. В.* О категории «правовой модус» и ее содержании / В. В. Ровный // Государство и право. — 1998. — № 4. — С. 86 — 88.
- Rovnyj, V. V.* O kategorii «pravovoj modus» i ee soderzhanii [About the category «legal mode» and its content] / V. V. Rovnyj // Gosudarstvo i pravo. — 1998. — N 4. — P. 86 — 88.
18. *Кучинский, В. А.* Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. — М. : Юрид. лит., 1978. — 200 с.
- Kuchinskij, V. A.* Lichnost, svoboda, pravo [Personality, freedom, law] / V. A. Kuchinskij. — М. : Yurid. lit., 1978. — 200 p.
19. *Якимов, А. Ю.* Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации / А. Ю. Якимов. — М. : Проспект, 1999. — 199 с.
- Yakimov, A. Yu.* Status subekta administrativnoj yurisdikcii i problemy ego realizacii [The status of a subject of administrative jurisdiction and the problems of its implementation] / A. Yu. Yakimov. — М. : Prospekt, 1999. — 199 p.
20. *Козлов, Ю. М.* Административное право : учеб. / Ю. М. Козлов, Л. Л. Попов. — М. : Юрист, 1999. — 728 с.
- Kozlov, Yu. M.* Administrativnoe pravo : ucheb. [Administrative law : studies] / Yu. M. Kozlov, L. L. Popov. — М. : Yurist, 1999. — 728 p.
21. *Собалева, Ю. Н.* К вопросу о понятии субъекта административного права / Ю. Н. Собалева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 4 (105). — С. 188—192.
- Sobaleva, Yu. N.* K voprosu o ponyatii subekta administrativnogo prava [On the issue of the concept of the subject of administrative law] / Yu. N. Sobaleva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. — 2015. — N 4 (105). — P. 188—192.
22. *Крамник, А. Н.* Курс административного права Республики Беларусь : учеб. пособие / А. Н. Крамник. — Минск : Тесей, 2002. — 616 с.
- Kramnik, A. N.* Kurs administrativnogo prava Respubliki Belarus : ucheb. posobie [The course of administrative law of the Republic of Belarus : textbook. stipend] / A. N. Kramnik. — Minsk : Tesej, 2002. — 616 p.
23. *Винницкий, Д. В.* Субъекты налогового права / Д. В. Винницкий. — М. : НОРМА, 2000. — 192 с.

Vinnickij, D. V. Subekty nalogovogo prava [Subjects of tax law] / D. V. Vinnickij. — М.: NORMA, 2000. — 192 p.

24. *Ладутько, В. К.* Юридические лица как субъекты административных правоотношений против порядка налогообложения / В. К. Ладутько // Право.by / учредитель Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, Кафедра ЮНЕСКО по информационным технологиям и праву. — Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2011. — № 4 — С. 71 — 78.

Ladutko, V. K. Yuridicheskie lica kak subekty administrativnyh pravootnoshenij protiv poryadka nalogooblozheniya [Legal entities as subjects of administrative legal relations against the taxation procedure] / V. K. Ladutko // Pravo.by / uchreditel Nac. centr prav. inform. Resp. Belarus, Kafedra YuNESKO po informacionnym tehnologiyam i pravu. — Minsk : Nacionalnyj centr pravovoj informacii Respubliki Belarus, 2011. — N 4 — P. 71–78.

25. *Алексеев, С. С.* Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1982. — Т. 2. — 360 с.

Alekseev, S. S. Obshchaya teoriya prava : v 2 t. [General Theory of Law : in 2 volumes] / S. S. Alekseev. — М. : Yurid. lit., 1982. — Т. 2. — 360 p.

26. *Братусь, С. Н.* Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. — М. : Госюриздат, 1950. — 367 с.

Bratus, S. N. Subekty grazhdanskogo prava [Subjects of civil law] / S. N. Bratus. — М. : Gosyurizdat, 1950. — 367 p.

27. *Мицкевич, А. В.* Субъекты советского права / А. В. Мицкевич. — М. : Госюриздат, 1962. — 213 с.

Mickevich, A. V. Subekty sovetskogo prava [Subjects of Soviet law] / A. V. Mickevich. — М. : Gosyurizdat, 1962. — 213 p.

28. *Матузов, Н. И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. — 292 с.

Matuzov, N. I. Lichnost. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy subektivnogo prava [Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law] / N. I. Matuzov. — Saratov : Izd-vo Saratov. un-ta, 1972. — 292 p.

29. *Бахрах, Д. Н.* Индивидуальные субъекты административного права / Д. Н. Бахрах // Государство и право. — 1994. — № 3. — С. 16–24.

Bahrah, D. N. Individualnye subekty administrativnogo prava [Individual subjects of administrative law] / D. N. Bahrah // Gosudarstvo i pravo. — 1994. — N 3. — P. 16–24.

30. *Кечекьян, С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 187 с.

Kechekyan, S. F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshestve [Legal relations in a socialist society] / S. F. Kechekyan. — М. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958. — 187 p.

31. *Ткаченко, Ю. Г.* Методологические вопросы теории правоотношений / Ю. Г. Ткаченко. — М. : Юрид. лит., 1980. — 176 с.

Tkachenko, Yu. G. Metodologicheskie voprosy teorii pravootnoshenij [Methodological issues of the theory of legal relations] / Yu. G. Tkachenko. — М. : Yurid. lit., 1980. — 176 p.

32. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — URL: https://pravo.by/upload/docs/op/HK2100091_1611262800.pdf (дата обращения: 10.03.2026)

33. *Умнова, И. А.* Конституционные основы современного российского федерализма : учеб.-практ. пособие / И. А. Умнова. — М. : Дело, 1998. — 280 с.

Umnova, I. A. Konstitucionnye osnovy sovremennogo rossijskogo federalizma : ucheb.-prakt. posobie [The Constitutional foundations of modern Russian federalism : textbook and practice. stipend] / I. A. Umnova. — М. : Delo, 1998. — 280 p.

34. Советское государственное право : учеб. / Л. Д. Воеводин, Д. Л. Златопольский, Н. Я. Куприц [и др.] ; под ред. С. С. Кравчука. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрид. лит., 1985. — 544 с.

35. *Лукашева, Е. А.* Права и свободы человека / Е. А. Лукашева // Теория права и государства : учеб. для вузов / под ред. Г. Н. Манова. — М. : БЕК, 1996. — С. 143–168.

Lukasheva, E. A. Prava i svobody cheloveka [Human rights and freedoms] / E. A. Lukasheva // Teoriya prava i gosudarstva : ucheb. dlya vuzov / pod red. G. N. Manova. — М. : BEK, 1996. — P. 143–168.

36. *Белкин, А. А.* Понятие и особенности правового статуса органа советского государственного управления / А. А. Белкин, Л. Ш. Гумерова // Государственное управление и право: история и современность : сб. ст. / под ред. В. Г. Розенфельда. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. — С. 45–58.

Belkin, A. A. Ponyatie i osobennosti pravovogo statusa organa sovetского gosudarstvennogo upravleniya [The concept and features of the legal status of the Soviet government body] / A. A. Belkin, L. Sh. Gumerova // Gosudarstvennoe upravlenie i pravo: istoriya i sovremennost : sb. st. / pod red. V. G. Rozenfelda. — L. : Izd-vo LGU, 1984. — P. 45–58.

37. *Богданова, Н. А.* Категория статуса в конституционном праве / Н. А. Богданова // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 1998. — № 3. — С. 3–20.

Bogdanova, N. A. Kategoriya statusa v konstitucionnom prave [The category of status in constitutional law] / N. A. Bogdanova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 1998. — N 3. — P. 3–20.

38. *Цабрия, Д. Д.* Статус органов управления / Д. Д. Цабрия // Советское государство и право. — 1978. — № 2. — С. 126–130.

Cabriya, D. D. Status organov upravleniya [Status of the governing bodies] / D. D. Cabriya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1978. — N 2. — P. 126–130.

39. *Бахрах, Д. Н.* Административное право : учеб. для вузов / Д. Н. Бахрах. — М. : БЕК, 1993. — 301 с.

Bahrah, D. N. Administrativnoe pravo : ucheb. dlya vuzov [Administrative law : studies. for universities] / D. N. Bahrah. — M. : BEK, 1993. — 301 p.

TATSIANA VOLOT

ON THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF TAX LEGAL RELATIONS SUBJECTS

Author affiliation. *Tatsiana VOLOT (nimezina@mail.ru), 1st year postgraduate student of the Department of International Economic Law of the Belarusian State Economic Law (Minsk, Belarus).*

Abstract. The article examines the content and internal structure of the administrative-legal status of subjects of tax legal relations. The author analyzes the category of legal status as an autonomous element of the legal system through the lens of administrative-law regulation. Special attention is paid to the theoretical substantiation of the structure of this status, which includes a set of rights, obligations, guarantees, and liabilities of the subjects.

The purpose of the article is to identify the specifics and provide a theoretical justification for the structure of the administrative-legal status of subjects of tax relations, which is necessary to eliminate doctrinal uncertainty and optimize administrative impact in the tax sphere.

The methodological basis of the work comprises a complex of scientific cognition methods: systemic-structural analysis, as well as specialized legal methods — formal-legal and comparative-legal analysis.

The study substantiates that the administrative-legal status of subjects of tax legal relations is a fundamental category linking public administration with the financial system. The author derives a definition of this status as a system integrating special tax legal personality, a complex of rights, duties, legal guarantees, and administrative liability. It is proved that the unification of the understanding of this status structure is

a necessary condition for increasing the efficiency of tax administration and ensuring the rule of law.

Keywords. administrative law; administrative and legal status; subjects of tax legal relations; legal regulation; legal personality; structure of legal status.

UDC 342.922

*Статья поступила
в редакцию 10.04.2026 г.*

А. И. ИВАНЦОВА

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МЕХАНИЗМА ВВЕДЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТОМ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируется конституционно-правовое регулирование вопросов введения особых правовых режимов. Через призму функций Президента исследуются особенности реализации его полномочий в части решения вопросов, связанных с действием чрезвычайного и военного положения. Подвергаются научному толкованию отдельные процедурные вопросы. В рамках выделенного автором общего механизма введения особых правовых режимов вносятся предложения по дальнейшему развитию правового регулирования, направленные на реализацию полномочий государственных органов по решению данных вопросов.

Ключевые слова: Конституция; Президент; конституционный строй; чрезвычайное положение; военное положение; правовой режим; гарантии.

УДК 342.77

Введение. В условиях нарастания вызовов и угроз национальной безопасности и их негативного воздействия на личность, общество, государство особое значение приобретают конституционно-правовые гарантии обеспечения территориальной целостности, суверенитета и существования государства, безопасности жизни и здоровья людей. Среди таковых Конституцией Республики Беларусь (далее – Конституция) предусмотрена возможность введения особых правовых режимов (далее – ОПР) чрезвычайного положения (далее – ЧП) и военного положения (далее – ВП).

Как отмечают Н. А. Карпович, О. И. Чуприс, с изменениями и дополнениями Конституции, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., осуществлены преобразования системы государственной власти, обес-

Александра Игоревна ИВАНЦОВА (a.ivantsova05@gmail.com), преподаватель кафедры конституционного и международного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).